

Андрей Бородушкин

ШАГ В НЕБО

Андрей БОРОДУШКИН

ШАГ В НЕБО

Стихи

Минск
2001

Бородушкин А.

Шаг в небо. Стихи. 2001. — 96 с.

Андрей Бородушкин родился 12 января 1979 года в Минске. Учится в МГЛУ на переводческом факультете. Писать начал в 1994 году, весной. По признанию автора, работа над словом стала занимать все больше времени и все чаще стала врывать в другие его «жизни», не связанные с творчеством напрямую.

Стихи А. Бородушкина профессиональны и на удивление оптимистичны. В основе своей — это откровенно-искренние всплески души молодого человека, яркие светоимпульсы его вдохновения.

Андрей Бородушкин:

— Я не знаю, как появляются стихи. Не могу объяснить весь процесс. Но после последней точки наступает удивительное чувство полного опустошения. Абсолютная отдача.

Я все больше понимаю, что это — мое, что без этого я уже не могу, да и не хочу. Это — мой крест, судьба, жизнь, вечность.

Я пишу о том, что беспокоит, не дает спать, скребет по душе. Наверное, для того пишу, чтобы убедить всех, что можно и нужно жить лучше. Хочу, чтобы мои стихи заставляли думать и чувствовать. Что сейчас очень важно.

A stylized handwritten signature in black ink, consisting of several loops and flourishes, likely representing the name 'Андрей Бородушкин'.

Саше Синельник —

милой,

чудесной,

удивительной,

ставшей моей

Музой

и

вдохновившей меня

на эти стихи.

МОЙ ГОРОД

Одноногое время пищит
среди острых камней,
как бездомный щенок
своей мордой слюнявит ладонь.
Я листаю огонь
полуголых ночных площадей
и пытаюсь найти в этом городе
свой уголок.
Тихо улицы плачут лучами
скупых фонарей.
На деревьях висит
чернота одряхлевших дворов.
Здесь — простор для воров
и порочны лохмотья дверей.
А возня перекрестков
на всех языках говорит.
Я простужен дыханьем
прижатых к земле чердаков.
Утонув в ерунде,
утром мудрость берет на троих,
помятая святых
так, что стонут глазища домов,
где любой подоконник —
ступенька к далекой звезде.
Здесь последний трамвай
уплывает, как Ноев ковчег.
Не одну сотню лет
подыхает седая война,
выпивая до дна
всю надежду на теплый ночлег,
и уродует стены, рисуя
свой автопортрет.
Рты подъездов
распахнуты настезь,

но нет никого,
кто вернет голоса
и таинственность ветхих легенд.
В кисло-сладкий цемент,
не жалея уже ничего,
этот город лениво хоронит
свои небеса.
В трюмах сгнивших подвалов
молитва тревожно сопит,
а голодная моль
объедает величие слов.
Между этих столбов
я родился и буду убит,
но я им благодарен за все:
за любовь и за боль.

ОПАСНЫЙ СОН

Стук сердец нарушает молчанье дворов.
Они гулко звучат в городской тишине.
Тяжело, не теряя уверенность слов,
видеть все это здесь, наяву, не во сне.

И неясно уже: где же правда, где ложь?
Веру вырвали с корнем, сломали.
Люди молча бредут, в их глазах не найдешь
ты ни отблеска, ни печали.

Все святое забыто, затоптано в грязь.
Лишь отраву вливают нам в души.
На крови и на смерти, уже не таясь,
стали делать карьеру кликуши.

Негодяй тут становится чуть не святым,
а предатель — народным героем.
Лицемеру удобней казаться слепым
и решать все проблемы запоем.

Если слух пререзает нам крик или стон,
что осталось — проснуться, поверьте!
Наша жизнь — это попросту длительный сон...
Сон, который всегда сродни смерти.

БАЛЛАДА О БЕЗВРЕМЬЕ

Мне теперь очень долго покой не найти —
все, что все эти годы надежно хранил
в своем сердце, погубло. Куда же идти?
Только ясно: назад больше нет мне пути —
как мечом, кто-то с прошлым мне связь обрубил.

Твердый грунт подо мною стал мягок, сыпуч.
Я уже по колени в болоте увяз.
Я тону... Но я выберусь сам. Я могуч.
Лес, закрывший мне солнце, опасен, дремуч,
ветви бьют по лицу, точно целятся в глаз.

Иглы, словно крюки, кожу рвут в лоскуты.
Извиваются черви, пытаюсь пролезть
в мою душу, и жгут ее... Дайте воды!..
Я уже задыхаться стал от темноты.
Где же свет? Я уверен, что где-то он есть.

Было время — мне солнечный луч помогал,
но теперь я иду по ухабам, камням.
Весь в грязи... Даже месяц мерцать перестал.
За спиной ясно чую звериный оскал,
и дыханье, и взгляд, пропоровший меня.

Наносить удар в спину привыкли давно.
Так удобней: риск меньше и меньше потерь.
Только подлостью это зовут все равно
даже здесь. И я твердо усвоил одно:
чтобы жить, нужно драться за правду теперь.

Смутно слышу неровный звук чьих-то шагов.
Значит — кто-то опасный за мною идет.
«Отзовись!..» Тишина... Бродит мгла меж стволов,
и в ней тонут обрывки оброненных слов.
Только топь под ногами плаксиво поет.

Корневищи, как змеи, вокруг ног обвились —
тянут вниз за собой, валят в липкую грязь.
Им все мало... Вот к горлу уже добрались,
близость крови учуяли, жадно впились,
все сильнее сжимают, ехидно смеясь.

Стоит только упасть — сразу будет легко,
вмиг сознание в бездну сорвется, стрелой
полетит, все забыв, далеко-далеко,
упадет где-то там, в темноте, глубоко...
И придет наконец долгожданный покой.

Может, это конец? В голове — все вверх дном.
Ветер режет глаза и рвет грудь на куски.
Силуэты и тени смешались кругом —
время вырвано с корнем, летит кувырком,
и в пространстве удары его нележки.

Только рано еще вам, чертям, справлять бал
и считать, что прибрали меня вы к рукам:
я в грязи, но себя никому не продал —
я найду путь, который так долго искал,
и свою душу дьяволу я не отдам.

* * *

Снова мой почтовый ящик пуст.
Снова день сменяется закатом.
Камнем на душе повисла грусть.
Не зовут гулять меня ребята.

Да, теперь я далеко от них —
здесь снега, морозы и метели.
Нет людей знакомых, дорогих,
а чужие — сердце не согрели.

Расплескало время теплоту,
растащило преданность на части.
Провела судьба свою черту,
и стереть ее — не в нашей власти.

СОЛНЦЕ

Солнце падало вниз,
ближе к крышам домов,
и потом вдруг исчезло совсем,
лишь окрасив карнизы,
верхушки столбов
и блеснув на прощание всем.

А на небе остался
расплывчатый след
от случайных последних лучей.
Он на миг задержался —
его больше нет,
и становится небо темней.

Тыходишь к окну —
смотришь в темную даль:
тишина, только сердце стучит.
Взгляд летит в темноту,
унося вслед печаль.
Город съезжился весь и молчит.

Фонари не горят.
Свет из окон домов
так похож на непрочную нить.
Почти все уже спят,

но не видят, жаль, снов,
день прошедший стараясь забыть.

Непонятные звуки
тревожат их сон,
не дают им спокойно уснуть.
Вот дрожащие руки
берут телефон,
но не смогут себя обмануть.

Темнота поглотила
то, что смелым огнем
так усердно окрашивал свет.
Тогда все еще жило,
барахталось в нем,
только света теперь больше нет.

Кто-то глупо смеется,
а кто — плачет навзрыд;
где-то слышен отчаянный крик:
«Он — не умер, вернется.
Не будет забыт...
Оживит все вокруг в тот же миг!»

Но пока — темнота,
вкравшись в души людей,
все сжигает внутри им дотла.
Погибают цвета
все быстрее и быстрее —
остается лишь только зола.

Начинает казаться,
что ночь — навсегда:
ни конца, ни начала ей нет.
Но не надо теряться —
уйдет темнота...
Обязательно будет рассвет.

У КОСТРА

Все позади — и сомненья, и споры.
Стало спокойно внутри и тепло.
Чувство тревоги куда-то ушло.
Приятны и веселы разговоры.

Плавные звуки гитары слышны.
Песня негромкая раздаётся.
Никто никуда не спешит, не несётся.
И тени ночные нам не страшны.

Доносится треск пылающих дров,
высокое жаркое пламя играет —
серый дымок клубится и тает...
Речушка журчит меж крутых берегов.

Погашен огонь, угольки остаются
остывать на холодном осеннем ветру.
А мы возвращаемся в стен пустоту
и снова мечтаем на берег вернуться.

В ТЕМНОТЕ

Солнце вспышкой огня разметало закат —
и на землю сошла молчаливая ночь.
Как же долго уже мы бредем наугад,
спотыкаясь о камни, швыряя их прочь.

Темнота ослепила до боли глаза,
заставляя безмолвно забыть дневной свет.
Покатилась тайком от обиды слеза
и застыла, как камень, на тысячу лет.

Только вдруг тишину всколыхнул дикий крик —
и умолкло все тут же, как перед грозой.
Лишь на долю секунды продлился тот миг,
когда страх завладел нашей дряхлой душой.

Мы остались с собою один на один,
больше времени нет — смерть стоит за спиной.
И, зажмурив глаза, как от блеска витрин,
стиснув зубы, мы рвемся на встречу с судьбой.

Одурев и оглохнув в немой пустоте,
захлебнувшись от спазма, взорвавшего грудь,
мы куда-то несемся в сплошной суете
и боимся назад в иступленьи взглянуть.

Рвет в агонии ветер сердца на куски
и в аортах бурлящую кровь леденит.
И сгорают умы от безумной тоски,
непослушные мысли вогнав под гранит.

Хлещет дождь непрерывно отвесной стеной,
превратив наши души в бесформенный хлам
и укрыв грязно-серой густой пеленой
воспаленные чувства с мечтой пополам.

И мы топим себя в жгучем омуте лжи,
отказавшись искать долгожданный ответ.
И терзают сознание нам миражи,
воскрешая из памяти тусклый рассвет.

Точит нервы, вгрызаясь, извечная грусть,
и сопение рядом, и режущий взгляд.
А наш мозг, в безысходности тлеющий, пуст
и расколот на части от глупых утрат.

Что же это — возмездие мрачных небес
или время стеклом опрокинулось вспять?
Отрешенная совесть — с расчетом вразрез,
и забыта в дорожной пыли догорать.

А в воздушном пространстве размытый восход
как надежд сокрушенных трагический знак,
и неясно, что завтра он нам принесет?..
Только что-то не то здесь и что-то — не так.

* * *

В мое окно стучится новый день —
зовет все начинать опять с нуля.
И отказаться мне уже нельзя,
и соглашаться сразу как-то лень.

Остывший чай, забытый на столе,
напомнил мне, что некуда спешить:
разбитые мечты не воскресить,
как высохшие капли на стекле.

Унылый дождь стеной уходит вдаль,
и никогда тебя мне не вернуть.
Но не могу я все перечеркнуть,
хотя надежд несбывшихся не жаль.

Я перестал искать тебя в толпе —
погас огонь таинственный в груди.
Стал город пуст, остались позади
растаявшие мысли о тепле.

Ты до сих пор живешь в душе моей,
и ничего не в силах я забыть.
И я не знаю, как же теперь быть
среди печали одиноких дней.

Ты мое сердце унесла с собой —
теперь мне больше нечего терять.
И я не жду, что ты придешь опять,
как солнца луч, подаренный судьбой.

В мое окно стучится новый день —
зовет все начинать опять с нуля.
И отказаться мне уже нельзя,
и соглашаться сразу как-то лень.

* * *

Она пришла из пелены дождей,
пронзив густой туман, будто луч света,
обворожив улыбкою своей
и в глубине души оставшись где-то.

Она весенним ветром озорным,
как ворох листьев, мир мой разметала.
И ослепила взглядом неземным,
и смыслом моей тусклой жизни стала.

Теперь все в прошлом — дождь размыл мечты,
вспоминанья память не тревожат.
И в горле крик застыл от немоты,
и горькая тоска мне сердце гложет.

Она ушла, закрыв за собой дверь, —
и холодом вдруг обожгло мне вены:
мой дом стал без нее чужим теперь,
и я не жду обратной перемены.

Оставил боль я где-то позади,
осенний ветер высушил мне слезы.
Мне все равно, что будет впереди:
палящая жара или морозы.

Душа давно привыкла к пустоте,
в глазах растаял огонек надежды.
И я мечусь, сгорая в суете,
немой, однообразной и безбрежной.

Мне грудь сжигает вечная печаль.
Нет, время мои раны не залечит.
Не манит больше за собою даль,
и не мечтаю я о новой встрече.

* * *

Грязно-серый туман укрывает осколки дождя.
Сквозь него еле виден расплывчатый свет фонарей.
Надоело смотреть в никуда, в темноту уходя,
где другие границы отсчета и время быстрей.

Мне напомнила осень украдкой, что надо спешить.
Я закрыл свою дверь и без горечи выбросил ключ.
Я не жду от зимы ничего, ибо что-то решить
может только весна и зеленое небо без туч.

Одиноким шуршаньем встречает меня листопад,
словно хочет со мной разделить свою пьяную грусть.
Я не жду от зимы ничего — я люблю снегопад...
А пока что мне ветер швыряет под ноги листву.

* * *

Когда приходит
время резких перемен
и одиночество
больнее жалит грудь,
усталость бродит
в тишине холодных стен,
томит предчувствие
и не дает вздохнуть.

Острее ранит
невнимание друзей,
сильнее чувствуется
фальшь красивых слов.
И реже манит
монотонность серых дней,

и — безысходность
от однообразных снов.

Все чаще кажется,
что нечего терять.
И глубже память
оставляет в сердце след.
И меньше нравится
хоть что-нибудь менять,
и на вопрос пустой
придумывать ответ.

Надолго хочется
запомнить этот миг
и сохранить тепло
уже нечастых встреч.
Любовь срывается,
как онемевший крик,
и все трудней ее
становится сберечь.

И тяжелее
на рассвете умирать,
разбив лицом стекло,
сорваться в темноту;
спешить быстрее,
чтоб не опоздать,
но жизнь свою
не разменять на суету.

ВЕСНА

Вот весна и пришла,
долгожданная, милая взору,
разлетелась по улицам
да переулкам, дворам...
Гонит прочь поскорее
унылую зимнюю пору,

мощно в трубах шумит,
угрожая притихшим снегам.

У прохожих людей лица светятся
радостным блеском,
вмиг исчезла печаль
невеселых и длительных дней.
И тревожит каплею душу звонким,
заливистым треском,
и уходят снега с каждым днем
все быстрее и быстрее.

Птицы вновь прилетели —
теплее значительно стало.
И бродяги метро перебравшись
под солнечный свет.
На бегущих людей смотрят грустно,
бессильно, устало,
слезно благодарят,
коль швырнули подачку, в ответ.

Где-то бьют стариков лишь за то,
что не там они встали,
что мешают пройти тем,
кто в ногу за модой идет.
А они от ходьбы, толкотни
очень сильно устали,
и плюют им в лицо,
и кричат: «Отойди, идиот!»

Кто случайно упал,
того просто раздавят ногами.
Могут даже сломать тех,
кто твердо стоит на ногах.
Быть приходится зверем —
уже не поможешь словами:
кто не хочет им быть —
остается теперь в дураках.

Поменялись кумиры,
лишь деньги теперь все решают.
Ради них лишь живут,
ради них даже могут убить.
Совесьть, принципы, честь,
доброта почему-то мешают.
Почему — не понять,
хотя раньше могли с ними жить.

О, весна, что же ты
сейчас делаешь с нашей землею?
Нет, все точно и правильно —
нужно ее очищать.
Нужно смыть с нее грязь,
чтобы вновь она стала живою,
вот тогда можно будет и жить,
и творить, и мечтать.

БАЛЛАДА О БУДУЩЕМ

Когда отшумят все тревоги над нашей землей,
тогда, может быть, я спокойно уйду на покой.

Печаль и разлука исчезнут тогда навсегда,
злость люди забудут, а грусть не оставит следа.

Снесут все заборы и к черту сломают замки,
и больше не будет коробить людей от тоски.

Их души откроются настежь для счастья, добра,
и в ту же минуту утихнут все злые ветра.

Не будет зловеще кружить воронье на полях,
цветы и деревья распустятся снова в садах.

И станет прекрасным и радостным каждый рассвет,
свою красоту сохранит он на тысячи лет.

И люди не будут бояться тогда темноты,
сбываться начнут их надежды, их планы, мечты...

Дома нежилые не встретятся больше нигде,
везде будут жить и не думать о близкой беде.

И сердце не будет щемить горький плач детворы,
задорный и радостный смех лишь заполнит дворы.

Улыбки на лицах ребят блеснуть будут всегда
и не огорчать добрых, любящих мам никогда.

Тогда матерям — не рыдать у гробов сыновей.
Украдкой отцам — не стирать жгучих слез поскорей.

А юным парням не придется нигде воевать,
ведь больше не будет никто никого убивать.

Придет это время — не будем читать между строк,
друзей предавать и пускаться скорей наутек,

собой торговать, ну а зло называть вдруг добром,
забыв, что есть совесть, молчать, не бороться со злом.

Научатся люди себя не давать унижать.
Знать будут, когда надо бить, когда надо прощать.

Начнут уважать серебро седины стариков
и не запирают свои уши от них на засов.

Прогонят из сердца и подлость, и жадность, и ложь.
И больше уже равнодушие ты не найдешь.

Пока остается об этом лишь только мечтать.
Ну что же, как видно, придется еще подождать.

И верить — иначе, ей-Богу, нельзя просто жить.
Нельзя ни мечтать, ни работать, ни даже любить.

По жизни своей идти нужно всегда до конца —
тогда только счастьем наполнятся наши сердца.

Когда отшумят все тревоги над нашей землей,
тогда, может быть, я спокойно уйду на покой.

ВОЗВРАЩАЙСЯ...

Говорят, будто страны снегов —
только лишь для мужчин.

Не возьмусь утверждать то,
что это уже устарело.

Но никак не найду я
каких-нибудь веских причин,
почему вдруг она,
ничего не сказав, улетела
в те края, где белеют на солнце
снега круглый год,
где холодные ветры,
шутя,

воздух рвут на куски,
где слезятся глаза
от серебряных горных высот...
Она — там. Ну а здесь —
я скучаю и злюсь от тоски.

Там — красиво, быть может,
не спорю, не буду судить,
но в одном я уверен:
там — все совершенно другое,
потому-то не сможет
родные места заменить
ни бескрайнее море —
в нем звезд отраженье ночное,
ни стальной блеск озерной
и кровь ледящей воды,

ни тем более —
бархатный мох
на холодных камнях,
на котором она
оставляет, шагая, следы.
Мне ее не догнать...
Я заперт в бетонных стенах.

Не пойму, как она отыскала
в себе столько сил
для того, чтобы выдержать
бурю и не испугаться.
И в одном до конца
я твердо уверенным был:
что вернется она,
ведь всегда мы должны
возвращаться
к тем истокам,
которые с детства учили нас жить,
не бояться подонков,
горою стоять за друзей,
различать, где добро и где зло,
ненавидеть, любить...
Здесь тебя очень ждут,
потому возвращайся скорей.

* * *

Я жадно пью холодный ветер перемен.
Я заглушаю на асфальте черноту
и, спотыкаясь, поднимаюсь вновь с колен,
хватая воздуха лохмотья на лету.

Противный кашель — это где-то листья жгут.
Грызутся псы за наилучшие куски.
Я точно знаю, что меня нигде не ждут.
Дышу свободой и пьянею от тоски.

Зовут вокзалы, но я больше не хочу,
теряя вечность, умирать среди минут,
напоминая несгоревшую свечу,
дотлеть которой так и не дадут.

И жизнь моя как паровозное депо:
в конце дороги — обязательно тупик.
И не зовет твое окно уже давно —
мой мир там лишний, но я к этому привык.

Подарок осени — билет в один конец.
Сметает дворник поутру мои следы.
Среди молчания обугленных сердец
ищу огонь своей единственной звезды.

* * *

Я смотрю, как в мой дом, словно вор,
пробирается ночь,
как ползет по стене
бледной точкой чужая луна.
Я сомнения больше не в силах
в себе превозмочь:
я стою у черты,
за которой — слышна тишина.

Наблюдая, как солнце сдает
свои нервы на стол,
я карабкался вверх,
чтобы сделать красивым рассвет.
Я разрушил свой мир,
только места в другом не нашел,
и теперь я хватаюсь за воздух,
которого нет.

Я в душе приютил своей
веру, надежду, любовь —
три забытые истины,

силы вдохнувшие в плоть,
но с уходом одной —
остальные исчезли, и вновь
я сжимаюсь в кулак,
чтобы глупостей не напороть.

Каждый день на глазах моих
след выжигает огнем,
только память оставит все лучшее,
вытряхнув грязь
безалаберных встреч,
заставлявших мечтать под дождем
и себя предавать,
в суматошной ночи веселясь.

Мне на горло эпоха
накинулась бешеным псом,
но я рад, что во многом
остался живее живых:
чем быть пленником времени
с вечно счастливым лицом,
лучше дважды погибнуть,
не прячась за спины других.

Я теряю себя,
мне на вызов трудней отвечать,
а мой ангел хандрит,
или болен, иль попросту пьян.
И в пустые страницы
мне нечего больше вписать,
но мой бой не закончен,
хоть поле опутал бурьян.

Воронье надо мною кружит,
предвкушая конец,
оглушающим стоном
набат с колоколен звонит.
Я опять ухожу на войну

одиноких сердец
со своею судьбой,
хотя знаю, что буду убит.

Я раздавлен банальностью
и лицемерием слов
и устал над собой
видеть вечно слепую звезду.
И пускай я пока что
тону в лабиринте следов —
я ищу свою вечность
и знаю, что где-то найду.

Не терплю положений,
где все за меня решено.
Не согласен быть куклой и жить,
выполняя устав,
но внутри меня спор
между раем и адом давно,
и я с болью сейчас понимаю:
никто в нем не прав.

Я надломленный стержень
пытаюсь обратно слепить.
Презираю бессилье и жалость
и прячу свой взгляд.
Мне сложнее открыться,
но я не могу объяснить
тайный смысл желания драться,
не пятясь назад.

Весь запас неистраченной
нежности и доброты
я готов положить на алтарь,
лишь бы только узнать,
что я сам по себе
представляю среди пустоты,

что оставил я здесь,
чтобы там свою жизнь оправдать.

Час вопросов прошел,
час ответов еще не настал.
Пока жив, я люблю
и плачу дорогою ценой
за возможность взглянуть
в отражение битых зеркал,
где обвенчан — со смертью,
но предано сердце — другой.

* * *

Крепкий чай на столе, серый дым сигарет,
отключен телефон, и не скоро рассвет.
Я сижу у окна, и плаксивая ночь
вытесняет из памяти пройденный день.
Он ушел навсегда и унес за собой
незаконченный спор со своею судьбой,
и слова, что я вновь не успел досказать,
превратились в сознание в неясную тень.
Тишина одиночества, дождь за окном.
Монотонная жизнь вновь крадется в мой дом.
Точит душу усталость, и гибнут мечты,
не успевшие даже взлететь в облака.
И посредственность сердца до боли в висках
ненавижу, как в хамство запряженный страх,
и уже не теряюсь при выборе слов,
отвечая на брошенный взгляд свысока.
И устал делать то, что душой не люблю,
и себя уверять, что опять все стерплю,
возвращаться в тот город, где больше не ждут,
и опять уходить, не оставив следа.
Я устал сжимать нервы в кулак и молчать.
Я мечтаю сорвать безголосья печать,

но внезапный рассвет вновь рассеял мечты,
и так хочется думать, что не навсегда.

НА ПОРОГЕ

Мне осталось чуть-чуть:
лишь бы только дойти до черты,
оценить этот путь
да успеть отмолить все грехи.
А затем — в облака,
не пугаясь уже высоты,
чтоб взглянуть свысока
на толпу городской чепухи.
Распахнутся врата —
и услышу: — Привет, как дела?
Твоя лодка пуста.
Что стоишь? Заходи, раз пришел.
Я о черствый ковер,
пряча в легких свой стон, добела
молча душу оттер
и ступил на невидимый пол.
Раскрошился хрусталь
незаконченных дел как слеза.
В пожелтевшую сталь
превратился остывший прибор.
Хитрый разум, шутя,
отравляет мне ложью глаза —
они ищут дождя,
чтоб пройти очищение грозой.
Но теперь тела нет —
значит, нечему больше болеть.
Здесь озябший скелет
моих мыслей ветра подкуют.
Мной оставленный мир
променяют на звонкую медь
да на клетки квартир,
где стихи по стакану пропьют.

Возликует обман
и не встретятся ветки дорог.
Зашипит океан
в подворотнях рожденной любви.
Объедает беспечность
украдкой священный порог,
чтоб продлить быстротечность.
Господь, мою жизнь обнови!

ВETERАНЫ

Их шепот у могил похож на крик.
И сердце рвется, коль случайно слышишь:
— Спасибо, друг... Ты извини, старик,
за то, что выжил я, а ты не дышишь.

За что дрались отцы наши и деды
и погибали, гордо смерть приняв?
Что помогло дойти им до Победы,
под вражеским напором устояв?

По-прежнему бывалые солдаты
во снах своих коротких рвутся в бой,
привычно-резко вскинув автоматы...
И если друга прикрывают, то — собой.

* * *

Опять брожу по улицам пустым
и вижу, как в квартирах гасят свет.
Покой квартир стал для меня чужим,
люблю я ночь, а в ней покоя нет.
В ней нет пустой, обыденной возни,
потухших глаз людских и глупых слов.
Во тьме горят сильнее в сердцах огни,
и души не закрыты на засов.

Не нужно больше притворяться злым,
а можно — просто быть самим собой,
бродить в ночи по улицам пустым
и до рассвета приходиться домой.

* * *

Когда траурный марш одиночества
в небе звучал,
кто-то мог быть счастливым и знал,
куда нужно идти.
Ну а я разбазарил мечты,
и себя потерял,
и остался один,
позабытый на этом пути.

Я всегда ненавидел притворство —
и стал отставать.
У меня был свой план:
я хотел растоптать этот лед,
но я верить устал в обреченность
куда-то бежать
и не видел, где смысл
такого движенья вперед.

Обескровив презренье,
я принял навязанный бег,
но предательство комом
застряло в моей голове.
И, забросив накатанный путь
для убогих калек,
я пошел наугад по ухабам
и пыльной траве.

Оставались надежды
одна за другой позади,

а мой мозг задышался
от глупости новых идей.
Я пытался понять,
предвкушая, что ждет впереди:
то ли я спешил жить,
то ли сердце стучало быстрее.

Я бесцельно врываться
в неясную тьму не хотел.
От сомнений все чаще
трясло и бросало в озноб.
Лихорадило душу
и голос от крика немел,
когда дождь мне соленую жадность
швырял прямо в лоб.

Уходили друзья,
выбирая покой в стороне,
но мне чаще казалось:
а были ли это друзья?
Словно старец слепой,
я все шарил рукой по стене
и, пытаясь уйти,
находил только слово «нельзя».

Я решил для себя
пересилить судьбы вертикаль,
и с разорванным сердцем
свою я дорогу искал.
И плевался кровавой слюной,
натываясь на сталь,
и мечтал об одном:
лишь бы только никто не мешал.

Было приторно больно,
когда начинали жалеть,
и обида коробила нервы мне
ржавым ножом.

Становилось везде неуютно
и трудно терпеть,
тяжелели шаги —
я встречал черный ветер лицом.

Мне казалось: вот-вот доберусь
до последней черты,
но все дальше опять
уносила ее пустота.
Это время лавиной обрушилось
вниз с высоты,
заметая следы,
оставляя печаль у креста.

И, зажав воспаленную совесть
в дрожащих руках,
я смотрел на огни
догорающих в памяти снов
и себя ненавидел за слабость,
бессилье и страх,
за секунды раздумий
и за нерешительность слов.

И, когда мне под ноги
печаль волкодавом легла,
я нашел себя в городе детства
смертельно больным;
среди сгнивших камней,
осторожность сжигая дотла,
захлебнувшись, я умер затем,
чтоб воскреснуть в живом.

* * *

Сердца ритм вдруг безжизненным стал.
Друг ушел — дом затих, опустел.

Дела нет мне до разных там дел.
Горечь в горле — противный металл.

Безобразное стадо тоски
на развалинах дружбы живет.
И плаксивые песни поет,
заклучив мою душу в тиски.

Ночь проводит свою параллель,
за которой скрывается боль.
Только веру в друзей в нас с тобой
не задушит ошибок метель.

* * *

Когда вечер затих, утонув в забытьи,
я остался один на распутьи дорог.
Встал извечный вопрос у меня на пути,
но желанный ответ так найти и не смог.

По щекам покатиалась слезою любовь,
что под маской молчанья скрывалась весь день, —
это воспоминанья нахлынули вновь
и исчезли, оставив неясную тень.

И осталась тревога, пронзившая грудь,
а истома на сердце легла как печать.
И скребет изнутри, и мешает уснуть,
и съедает желанье все снова начать.

Я пытался осмыслить, что днем пережил,
и оставил надежду понять до конца:
для чего я так часто куда-то спешил,
вырываясь из сжатого грубо кольца?

Ночь прохладой овевляла раненый ум,
воскресив в нем обрывки законченных битв.

И вернулся опять угнетающий шум
погребальных костров и прощальных молитв.

Бой один на один со своею судьбой
стал похож на размашистый бег бытия,
а стремительный ветер увлек за собой
клочья старых надежд и обрывки огня.

И растерзан безвременьем мой небосвод.
Острым льдом неизвестность сковала виски.
Только время ведет свой немислимый счет,
наливая в стакан девять граммов тоски.

* * *

Этим вечером ты не придешь,
и останусь я дома один
среди старых вещей и картин,
и от них никуда не уйдешь.

Может быть, зазвонит телефон —
меня вспомнят друзья, но не ты...
Будут звезды смотреть с высоты,
и клонить темнота будет в сон.

Уберу я вино со стола,
закурю, прикорнув у окна.
Блеск луны. И кругом — тишина...
Вот и все. Ты ко мне не пришла.

Утром, правда, заглянет сосед,
машинально спросив: «Как дела?»
Я отвечу: «Как сажа бела...»
Только он не поймет меня, нет.

И я знаю, что будет молчать
телефон на столе у меня.
Ничего из прошедшего дня
я в душе не хочу оставлять.

ВСТРЕЧА НА БАЗАРЕ

Однажды летом шел я по базару —
кругом в рядах шум-гам и толкотня:
кто спорит, кто орет, как от угару...
Вдруг сердце онемело у меня.

Где у ларьков прохожие сновали,
стоял старик и грустно смотрел вдаль,
а на руках его, что чуть дрожали,
два ордена лежали и медаль.

Я подошел к нему: — Здорово, батя!
Вы воевали, вижу? — Да, пришлось.
«Тогда опомнись, чем торгуешь?.. Разве
чего-нибудь другого не нашлось?!»

А может, это не твои награды?..»
— Послушай, парень... Так берешь иль нет?
— Награды эти ваши?.. — И с досады
чуть было не ругнулся я в ответ.

«Очнись, отец... Да как же так случилось?
Ты кровь свою и совесть продаешь!..»
Обида рвет виски — так получилось:
солдатам душу отравляет ложь.

Святую память той войны украли,
а горечь битв осталась позади...
— Отец, без орденов и без медали
вы сердце не удержите в груди.

ОСЕНЬ

Ветер резко задул мне свечу на столе —
это значит: я снова прощаюсь без слов;
это значит, что тяжесть сдавила мне грудь,
сердцу больно до слез, но ничто не вернуть.
Красно-желтый ковер на продрогшей земле
вот уже столько дней прячет звуки шагов.
Вот уже столько дней телефон мой молчит,
что я больше не жду, когда он зазвонит.
Я завидую тем, кто себя здесь нашел.
Этой осенью я вдруг остался один.
Этой осенью я не скрываю печаль,
но прошедшего лета несколько не жаль.
И мне хочется верить, что все хорошо.
Дождь пройдет — тоску смоем со стекол витрин.
Дождь пройдет — перестанет болеть голова...
Мое прошлое скроет немая листва.

* * *

За окном догорает уныло закат.
Целый день идет дождь, целый день.
Я устал от нелепых и частых утрат.
Я слоняюсь по дому, как тень.
Я бродил по дорогам, я что-то искал,
думал, может быть, мне повезет:
что я встречу опять не звериный оскал,
а того, кто меня давно ждет.
Для кого я не буду игрушкой, шутком,
кто меня никогда не предаст,
кто живительной силой наполнит мой дом
и от водки загнуться не даст.
Только кажется мне: я уже потерял,
что еще не успел отыскать.
Все, что видел во сне, о чем долго мечтал, —
все разбилось о камни опять.

А осколки заботливо дождь утопил,
чтобы их нельзя было найти.
Туман землю укрыл и меня окружил,
встал стеной, преградив все пути.

* * *

Настает такой в природе час —
крики птиц несутся над полями.
Нет веселых дум тогда у нас.
И не пьем с друзьями вечерами.
Птицы плачут — их дорога ждет
в райские края, что за морями,
где пирует солнце круглый год
и не плачут птицы над полями.
Почему не веселы и мы —
нам лететь ведь никуда не надо?
Что роднит нас с птицами?.. Увы!
Мы не знаем это, вот досада.

ДОРОГА

Не нужен треск от слов
и пафос восклицаний.
Я знал, что это все произойдет:
коль наломали дров,
теперь излишни оправданья,
ведь прошлого никто нам не вернет.
Но наши кони вскачь несутся до сих пор,
и не удастся их остановить,
И как же нужно нам, летя во весь опор,
стараться ничего не позабыть.

Слепы только щенки,
а нам пора прозреть,
чтоб видеть то, что окружает нас.

Дороги нележки,
но их пора преодолеть
и не спешить скорей уйти в запас.
А наши кони все, не замедляя бег,
летят вперед, не изменив маршрут.
Их подгоняет шпорами в азарте человек,
до судорог в руках сжимая кнут.

Вставая по утрам,
необходимо знать,
что этот день не зря мы проживем.
И даже если нам
придется падать и блуждать,
дорогу все же мы свою найдем.
Своих коней тогда направим мы по ней,
и наши лица ветер освежит.
Вот только б в суете нам не загнать коней —
величие жестокость не простит.

И не забыть тогда,
что вскоре после нас
дорогой этой многие пройдут.
В ответе мы всегда
за то, что делаем сейчас,
за то, как мы живем и как вокруг живут.
Пусть наши кони вскачь несутся до сих пор.
Пусть не удастся их остановить,
но все же нужно нам, летя во весь опор,
стараться ничего не позабыть.

НЕЛЮДИ

Мы много смысла в жизни датам придаем,
не то, что надо, иногда мы чтим и ценим.
Мечтаем только о величии своем
и вскоре гибнем из-за жадности и лени.

Как псы голодные, мы рвем куски добычи,
грызем любого, кто вдруг встанет на пути.
От злости воем, если не хватает дичи,
и, обезумев, жаждем новую найти.

Живем безрадостно, себя не замечая,
стараясь что-нибудь не упустить.
После себя мы ничего не оставляем...
Я не пойму — мы разве так хотели жить?

Только случайностей, пожалуй, не бывает,
и нам хозяина себе не выбирать.
И вот нас кто-то за бесценок покупает,
а мы должны за этим молча наблюдать.

На нас пока еще не надевали цепи,
но вот в ошейник все ж успели обрядить.
И набекрень напялив шутовские кепи,
мы все начнем своих хозяев веселить.

Простор и воля лишь во снах, но очень редко:
забрали их, швырнув обглоданную кость,
а мы молчим, грызем прогнившие объедки
даже тогда, когда пришел незванный гость.

Давно ль собою торговать мы научились
и как позволили, чтоб оскорбляли нас?
За тем, что модное, в погоню мы пустились,
о своей гордости забыв который раз.

Пора опомниться, мы ведь не псы, мы — люди.
В крови, предательстве мы — тлеем, не живем.
Не подадут нам жизнь красивую на блюде,
если ее мы сами не возьмем.

А что до дат — всегда их трусы забывают,
когда они их гнусь и подлость выдают,

когда спокойной, мертвой жизни их мешают
и спать все ночи напролет им не дают.

Года летят — людей поступки остаются
и еще долго в нашей памяти сидят,
вцепившись намертво... И, значит, не сотрутся
и будут жить в нас сотни лет подряд.

Я ВЕРНУСЬ...

Я один, но это не значит,
что я — одинок.
Зачастую слоняюсь без дела,
но я — не паяц.
На плаву в море жизни
я, как поплавок,
содрогаюсь на гребне волны,
над собою смеюсь.

Я стараюсь понять то,
что рядом со мной происходит.
Я пытаюсь дружить,
но всегда выбираю врагов.
И чего-то ищу,
ну а жизнь как-то мимо проходит...
Мне и грустно, и тошно
от пьянок и рож дураков.

Сколько раз — и не счесть —
натыкался на жадность и тупость.
Собирался бежать,
но куда, почему и зачем?..
Ведь бегу от себя, понимаю,
но злоба и глупость
меня гонят все время вперед
от моих же проблем.

Иногда, как затравленный зверь,
забиваюсь в трущобы.
Ухожу от всего и от всех,
становлюсь сам собой,
но и тут кто-нибудь
меня все же находит — еще бы!
Ведь ему не понять,
что творится порою со мной.

Обещаю: вернусь —
навещу старый дом у дороги,
постою у берез,
опьянею от запаха роз
и увижу тебя... И глаза твои —
смилуйтесь, боги! —
нежной искрой растопят
внутри меня лютей мороз.

Хотя — если вернусь,
тогда что принесу я с собою:
тревоги, надежды,
сомненья да сотни дорог?..
Скорей — не дорог, а тропинок,
покрытых листвою,
ведущих, пожалуй,
всегда на чей-то порог.

Нет, исправлюсь я —
стану другим, даю честное слово.
Сам избавлюсь от вредных привычек,
внутри изменюсь.
А пока я куда-то спешу,
и все снова и снова,
как в беспмятстве, что-то ищущий...
Вот найду — и вернусь.

* * *

Нет силы для умения прощать
предательство израненной души.
И я прошу: ты только не спеши
мне преданность и вечность обещать.
Среди разлук, скитаний и потерь
ты мои чувства в сердце сохрани.
Все суета, и только лишь они
приобретут значение теперь.

Сомнений больше неоткуда взять,
ошибок бестолковость — позади.
И я прошу тебя: не уходи,
дай мне возможность что-то доказать.

Связавшую меня с тобою нить
пожары глупых ссор не пережгут,
а знание, что где-то меня ждут,
способно вмиг из мертвых воскресить.

И чтобы ни принес нам новый день,
я расставаться больше не хочу.
Я без тебя — никто. Я не звучу.
И не живу. И превращаюсь в тень.

МОИМ ДРУЗЬЯМ

Среди холодных
узких улиц и ветров,
где оглушает
временами немота,
есть наша дружба
и немного теплых слов,
а остальное все, ребята, —
суета.

Жизнь позволяет нам
терять и находить.
Копилка времени
беспомощно пуста.
Мы нашу искренность
сумели сохранить,
а остальное все, ребята, —
суета.

Мы в исступлении
искали перемен,
но от усталости
съедала духота.
Нам верность слову
удалось найти взамен,
а остальное все, ребята, —
суета.

Извечный выбор —
или страх, или свинец —
и нам достался.
И судьба уже не та...
Маяк надежности —
огонь наших сердец,
а остальное все, ребята, —
суета.

На миг собраться,
чтоб потом умчаться вновь.
Нас разделяет
городская глухота.
Мы за черту отсчета
выбрали любовь,
а остальное все, ребята, —
суета.

ПИСЬМО

Здесь — жара, плюс тридцать пять.

Здесь — лето.

Все мечты только лишь о тебе
и прохладной тени.

Ветра нет — изнуряющий зной,
море света.

И здесь долго, мучительно долго
тянутся дни.

Все вокруг здесь живет
лишь одним ожиданием.

Духота угнетающе давит
и тянет ко сну,

а его по утрам птицы гонят
своим щебетанием —

так они нарушают
спокойствие и тишину.

Гаснут здесь от тоски
и уныния действия, мысли...

Обожженная солнцем,
медленно тлеет душа.

Одинокие звезды
беспомощно в небе повисли,

каждый раз на рассвете
сгорающие не спеша.

Без тебя здесь печально,
угрюмо и одиноко.

Не могу я привыкнуть к тому,
что тебя рядом нет,

что разлука с тобой
всегда невыносимо жестока,

что на письма мои
не пришел почему-то ответ.

На полях под лучами
сгорают пыльные травы,

только ночь иногда
одаряет прохладой их.

Совершенно другие здесь люди,
обычаи, нравы —
неуютно, порой,
неестественно мне среди них.

НА РАССВЕТЕ

Небо серое с сиреневою проседью
птицей вскрикнет вдруг и бросится к ногам,
разобьется на пороге тяжелой поступью
и, воскреснув, вознесется к куполам.
Колокольный звон церковей сорвет молчание,
отзовется в сердце, совесть разбудив,
а душа презреет горечь и отчаянье
и вернет свободу, смерть перехитрив.
Разольется свет рекою золотистою,
смоет грусть с лица и окропит росой.
Ветер вырвется из плена стаяй быстрою
и отхлещет по щекам своей волной.
Растворится солнце в нежной дымке утренней,
сделав сказочным простой и ветхий храм.
Станет слышно, как в тиши зовут к заутрени,
и уйдет усталость, как ненужный хлам.
И забытые слова вдруг с новой силою
завучат, оцепенение стряхнув.
Станет жизнь опять такой до боли милою,
теплоту в полупустую грудь вдохнув.
Запульсируют в висках осколки времени,
а земля стремглав умчится из-под ног.
Одиночество заблудится в сомнении
и придет на перекресток всех дорог.
Остановится, наткнувшись на крещение,
и исчезнет, взволновав сырую кровь.
И моя звезда пройдет сквозь очищение,
прогорев дотла и возродившись вновь.

ПЕЧАЛЬ

Беспорядочный день затихает
за мокрым окном.
Рвет дыхание в клочья опять
безысходная грусть.
Надоело уже притворяться,
что ты не при чем,
или прятать глаза,
говоря про себя: «Ну и пусть...»
Едкий дым сигарет, как туман,
все окутал вокруг.
Я здесь очень устал,
я хочу поскорее уйти.
Но уйти не могу —
я попал в этот замкнутый круг,
из которого выход закрыли
сплошные дожди.
Равнодушные лица
стеной окружают меня,
но я все же сквозь ветер и холод
спешу от них прочь.
Я ищу, где согреться смогу,
наконец, у огня,
несмотря на укрывшую город
коварную ночь.
Я не вижу ни ясного неба,
ни солнца давно.
Серость дней, растворив в себе время,
украла и свет.
И все чаще уже замечаю,
что мне все равно...
Может, это такая погода,
а может, и нет.
Жжет тоска мою душу
и спать не дает по ночам.

Комом в горле застыли слова,
и по коже — озноб,
но большое значение
я придаю мелочам,
хоть они, словно пули,
порой, бьют без промаха в лоб.
Так давно уже в доме моем
поселилась печаль —
как-то вкралась в открытую дверь
и осталась здесь жить,
но зато меня манит опять
непонятная даль...
Будь что будет, но только
о грусти хочу я забыть.

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО

Ты замолчал вдруг и уснул навек.
И сразу диким холодом подуло.
Ты был — Актер, Поэт и Человек.
И с гордым взглядом лег виском на дуло.

У самого обрыва ты ходил
и оступился... Это — не случайность.
Те знали все, чего ты не любил,
и довели — и ты пошел на крайность.

Ты пел навзрыд с пластинок и кассет.
Кому из них твой голос резал уши?
Ты ощущал меж ребрами кастет,
но продолжал терзать каналы души.

Ты своим хрипом бить стремился в цель.
Ты не молчал, хоть все вокруг молчало.
И, свою грудь подставив под прицел,
кричал о том, что в жизни всем мешало.

Твои серебряные струны не звенят.
Быть может, не подтянуты колки?..
Охота кончена, убийцы-егеря
не промахнулись — вышел за флажки.

ПОКАЖИТЕ МНЕ...

Покажите мне тех,
кто ни разу не сбился с дороги,
кто во всем и всегда до конца
оставался бы прав,
кто шагал по воде
и при этом не вымочил ноги
и кто знал бы все средства
против различных отрав.

Покажите мне тех,
кто всегда говорил то, что хочет,
кто за всю свою жизнь
никогда никому не солгал,
у кого в напряжении
раны не кровоточат,
кто с момента рожденья
ничего не терял, не искал.

Покажите людей,
чье бы сердце не знало печали,
чьи глаза никогда
не краснели от горечи слез
и чьи спины сгибаться
под плетями не уставали,
каждый раз содрогаясь
от вспухших кровавых полос.

Покажите страну,
где свою же историю хают,
где чистойшею правдой
считается гнусная ложь,

где реликвии, совесть и честь
продают, покупают,
где при виде такого
людей не бросало бы в дрожь.

Я прошу: покажите мне
ясные лица прохожих,
беспричинный, задорный
и радостный смех детворы,
жизнь, дни которой
один на другой не похожи,
и еще, может, смерть,
но по правилам честной игры.

Покажите мне дом,
где — уют и покой.
Покажите,
где нет подлости,
ссор и предательств,
где люди живут.
И прямую дорогу
к порогу его укажите...
Она есть. И уверен —
ее непременно найдут.

ОБОРВАННЫЙ ПОЛЕТ

Опустилась рука
на холодный курок...
Была цель высока,
но добраться не смог.
Были мысли чисты,
и пьянила мечта.
Долгий путь с высоты
освещала звезда.

Но — оборван полет,
как непрочная нить.

И надежды расколоты
напополам.
И досада грызет,
не давая забыть,
как стреляли вослед
да по босым ногам.

Ты решился ступить
за разорванный круг,
и, готовый испить
чашу горьких разлук,
презирая удобный
и тонкий расчет,
ты с улыбкой незлобной
стремился вперед.

Но сознание сорвалось
в бесформенный мир,
где мечты и реальность
похожи на сон,
где границ не осталось
и стерты до дыр
отпечатки из памяти.
Слышен лишь звон...

Ты пытался пройти
сквозь свинцовый туман,
но с начала пути
знал, что это — обман.
Только время не стерло
вчерашних идей,
и обида за горло
берет все сильней.

Твой полет высоту
понемногу набрал.
Встречный ветер дыханьем
своим освежил.

Ты нарушил черту —
и на землю упал.
Не достал до звезды,
не допел, не дожил...

Путь один лишь всего
среди тысяч дорог,
и ты — выбрал его.
Ты иначе не мог.
Не желая молчать
за чужою спиной
и срывая печать
непослушной рукой,

ты заметить успел,
кто придет за тобой,
кто судьбе вопреки
этот путь избрет,
и, в безумии дел
оставаясь собой,
он закончит оборванный
грубо полет.

* * *

Человек настроения, пьяный,
лежит под дождем.
Он поддался на слабость
иль истинный смысл нашел?
Он — отшельник надежды —
считает, что вознагражден:
вместе с ним жизнь и смерть
на троих накрывают на стол.

Он свалился бревном,
но стрелою взлетел к небесам.
Породнившись с отбросами,
душу очистил слезой.

Свои прихоти он
выбирает теперь только сам
и с обрыва стакана
ныряет за сбитой звездой.

Тени спящих мостов
отражаются в мутных глазах.
Смех затасканных шлюх
ему кажется вальсом весны.
Над ним время не властно —
с судьбою своей на ножах.
Оправдания не ищет —
он смотрит дешевые сны.

* * *

Когда зажглись огни в домах,
а ночь укрыла города,
когда, подальше пряча страх,
мы что-то ждали, как всегда,

я понял: все-таки пришло
время понять и осознать,
что было — вовсе не прошло,
а изменилось лишь опять.

На кухнях сидя за столом,
уже пытаюсь говорить
о наболевшем и родном,
мы обсуждали, как же жить?

Куда идти и что искать,
в своей душе что сохранить?
Или с колен себя поднять,
или в разгуле водку пить?

Мы поздно стали понимать,
что наш красивый большой дом

им все же удалось сломать,
к тому же нашим топором.

С первых ударов кровь рекой
забила изо всех щелей,
но рану не закрыть рукой,
и она ноет все сильней.

Попали мы в водоворот,
откуда нам спасенья нет,
а кто пытался открыть рот,
тому ломали враз хребет.

Свободу очень долго мы
искали там, где ее нет.
И теперь многие умы
не могут дать простой ответ.

Бывает так, увы, всегда:
то начинаем мы ценить,
что потеряли навсегда
и что кричат скорей забыть.

Нам память не дает уснуть,
но помнят всё лишь только те,
кто не спешил с пути свернуть
и все растратить в суете.

Не для себя, но для других
свой мозг нам надо отрезвить,
среди чужих найти своих
и тьму от света отличить.

ВЕРА В ЖИЗНЬ

И в будущем, и в прошлом — немота,
развенчаны претензии судьбы,

надорвано желание борьбы,
и вера в жизнь уже совсем не та.

Я отпеваю мертвые мечты,
растерзанные на кресте измен.
В висках стучится жажда перемен
и сбрасывает в пропасть с высоты.

Я заново учусь теперь летать.
Латаю паруса своих надежд.
Смотрю на малодушие невежд,
терплю с трудом и не могу понять.

Когда вокруг безмолвие сердец,
надсаднее звучит предсмертный крик,
становится дороже каждый миг,
нелепо приближающий конец.

За тенью повседневных передряг
так сложно человечность сохранить.
Оставлю мертвым мертвых хоронить,
живых не продавая за пятак.

Сознание ничтожности обид
преследует меня почти всерьез,
не сводит больше душу мне от слез,
но безразличие сильней претит.

Скупые на тепло и нежность дни,
я вспоминать вас больше не хочу.
Сквозь ветер пронесу любви свечу
туда, где еще ждут меня огни.

Не знаю, что Всевышний написал
на линиях чудных моей руки.
Мне нужно видеть устье той реки,
у чьих истоков я тогда стоял.

Я наизнанку вывернул себя,
чтоб лучшее, что есть, не растерять.
Я не согласен утром умирать,
бредовые идеи теребя.

Я знаю: мое время неспроста
на циферблате балует судьбу,
и снова я вступил бы с ней в борьбу,
но вера в жизнь уже совсем не та.

* * *

Нам встречи не предугадать,
не распознав ошибки века.
Как сложно все-таки понять —
понять другого человека.

Измерив глубину души,
на дне найти слепые чувства,
прозреть и умереть в тиши
от высшей степени безумства.

Не страшно, если есть мечта,
сгореть, напившись властью любовью,
и жизнь не будет столь пуста
и столь терпима к пустословью.

Ответить на огонь — огнем,
увидеть искреннюю нежность
и раствориться в ней вдвоем,
приняв судьбу и неизбежность.

Не загрызет тупая боль
и одиночество исканий.
Нам выделили эту роль,
не спрашивая пожеланий.

За опрометчивость шагов
платить всегда двойную цену,
но выбирать своих богов:
кто — верность, ну а кто — измену.

Себя пытаться обмануть —
охватит вдруг оцепененье
от невозможности вернуть
разрушенное за мгновенье.

И поздно что-либо менять,
ссылаясь на ошибки века.
Как сложно все-таки понять —
понять другого человека.

* * *

Беременные ненавистью сны
уродуют безропотные лица.
Теперь им больше не к чему стремиться —
они живут в преддверии войны.

Среди до дна прокуренных глазниц,
давно в себя впитавших трупный запах,
гуляет пьяный пес на жидких лапах,
скуля навзрыд от треска колесниц.

Мир стал похож на пастбище теней,
что меж крестов шныряют втихомолку
и ищут новый день — да все без толку:
разбился миг на тысячи частей.

Растасканы святыни по углам,
расписаны похабным матом стены.
Душа ждала с пеленок перемены,
а получила — пыль, гнилье и хлам.

Контуженные чувства не зудят.
Не рвутся ввысь и не дымятся нервы.
Последний никогда не будет первым,
чтобы узнать: кто — прав, кто — виноват.

БАЛЛАДА О ЖИЗНИ

Как часто мы уходим, не простившись,
зло хлопнув дверью, другу нагрубив,
словами душу всю ему избив...
А после понимаем, удивившись,
что друг ушел, обиды не простив.

Ошибки мы свои не признаем,
других же — критикуем с наслажденьем.
Своим холодным, подлым поведеньем
друзей стервятникам голодным отдаем,
измену называя исцеленьем.

Мы размышляем: правду ли сказать
или смешать ее с жестокой ложью?
Считаем, что иначе невозможно:
ведь правды нет, и надо только врать,
чтобы спасти себя, живя безбожно.

Мы можем оставаться в стороне
от всех проблем, задач и от напастей,
пока не испытаем всех несчастий
на своей шкуре. В поте и труде
мы все же будем строить свое счастье.

Как ловко мы умеем издеваться
и презирать все то, что дорого другим.
Давать пример, совсем ненужный им,
над умирающим нахально ухмыляться,
к мольбам его оставшихся глухим.

Слова на ветер часто мы бросаем
и не хотим за них держать ответ.
А вдруг они несут другому вред?
Ну как же — мы прекрасно понимаем,
что слово ранит, оставляя след.

Наши сердца бесстыдно остывают —
их не зажжет волнующая страсть.
Черт побери, и что это за власть
вслепую всеми нами управляет?..
Ей нужно дать отпор, чтоб не пропасть!

Пред нами вечно два пути встают —
два разных полюса одной планеты.
А жизнь летит со скоростью кометы,
и о себе нам вспомнить не дают...
Но выбор сделан — мы пошли на это.

И, не стремясь возвыситься над всеми,
от своей цели не отступим, нет.
Что за величие, если один — раздет,
другой — несчастен, третьему доселе
все время светит только красный свет?

Мы предстаем обычно в разных красках,
по-разному относимся к труду,
свободе, счастью... К своему стыду,
частенько сознаем, что души — в масках
гримасы корчат у всех на виду.

Мы существуем на земле без цели.
Мы просто так, без радости живем.
А срок придет — в кривом углу своем,
на провонявшей старостью постели,
и все забыв, мы навсегда уснем.

ПОСЛЕ БОЯ...

Жадность в спешке хрипит,
чтоб отрезать кусок пожирней
да побольше урвать
у наивных до смеха минут.
Второпях брошен щит,
и уже рукоятки мечей
потеряли тепло
и не просят награды за труд.

Жадность бросила клич,
надругавшись над болью побед,
развела по углам
тех, кто в битве стоял, как стена.
Где — охотник? Где — дичь?
Все смешалось — и выхода нет
из агонии тел,
но своя у дележки цена.

Жадность стала сестрой
тем, кто лысую смерть презирал,
закопала зерном
в душах воинов вечный февраль.
Им вернуться бы в строй
да стряхнуть с лица алчный оскал,
только в свору собак
превратились герои... А жаль.

* * *

С.А.

Когда затих шум жизни городской,
осенний вечер небо обагрил,
и он мне встречу подарил с тобой,
и время для меня остановил.

Среди однообразной суеты
твой смех был, как весенняя капель,
а я не смог сберечь свои мечты,
когда в душе моей запел апрель.
И как же долго я тебя искал,
но оказалось: снова все обман.
И в прошлом я надежду потерял,
а впереди — сплошной густой туман.
Твои глаза — волшебная заря.
И каждый день мой был тобой согрет.
Теперь есть ты. И есть немного я...
Что дальше? Кто подскажет мне ответ?
Я не надеюсь что-то повторить —
не верю больше призрачной судьбе.
Мне остается просто как-то жить
и вспоминать с любовью о тебе.
Я выйду в дождь, и капли смоят боль.
Я растворюсь среди огней витрин.
И мне прошепчет ветер исподволь,
что все прошло, и я теперь один.

* * *

Не жди меня: к тебе я не вернусь.
Я сердце иссушил, сжигая боль,
и умереть сегодня не боюсь —
все лучше, чем играть чужую роль.

Я видел верность высшей чистоты
и слезы правды с ложью пополам,
предательство единственной мечты,
в каком отчасти виноват я сам.

Ссылаясь на различие миров,
нельзя от них скрываться в облаках.
Я выдержал удары глупых слов,
но нежность сохранил в своих глазах.

И я вдвойне согласен заплатить,
чем вечно в одиночестве гореть.
Раз чувствуешь — не медли говорить,
иначе просто можешь не успеть.

Растаяв в паутине новизны,
я собираю душу по кускам,
чтоб вылечить ее от кривизны
и принести, как дар, к твоим ногам.

Где жизнь, где смерть, где между ними грань?
Я так давно уже ищу ответ.
Любовь — она одна прошепчет: «Встань!»,
когда упал и сил бороться нет.

Мне не удастся что-то изменить,
но есть о чем ночами вспоминать.
И если любишь — значит нужно жить,
а если не любим — то только ждать.

Верни меня и к жизни возроди,
позволь тобой наполнить каждый вздох
и драться за все то, что впереди,
а дальше — как того захочет Бог.

Ни клятв, ни обещаний не даю —
я временем отравлен невзначай.
Я счастлив, что могу сказать: «Люблю!»
Прости, я не могу сказать: «Прощай...»

ШАГ В НЕБО

Перечеркнуты дни —
и похожи один на другой.
Нет ни спазмов в висках,
ни обид на пустые слова.

Город гасит огни
и уже не зовет за собой.
У меня на руках
умирает моя голова.

Зацелованный снег
зло шипит от горячей слюны.
Подымаюсь с колен,
зажимая свистящую боль.
Слышу плачущий смех
обрывающей жизнь тишины
и смотрю, как из вен
вытекает кровавая соль.

Черно-белый экран
перекрестка чужих фонарей.
Больше нет ничего,
что могло бы тоску оправдать.
Наливаю в стакан
одиночество диких зверей.
Мне труднее всего
научить свою память прощать.

Я дышу наугад —
четверть века живу подо льдом
среди стада теней
и пытаюсь грехи отмолить.
Я кругом виноват,
но кресты мои смяты дождем,
и лукавых чертей
не получится уговорить.

Полупьяный огонь
пожирает мои корабли.
Пусть пророчит пророк.
Я всю силу глухой мостовой
зажимаю в ладонь,
чтоб спасти каравеллу любви,

и грызу потолок,
и цепляюсь за трубы мечтой.

Не хочу больше быть
пассажиром на этом пути,
улепетывать прочь,
чтоб не резали тело ветра.
У сопливой судьбы,
унижаясь, просить докурить
и дожить эту ночь,
чтобы утро сказало: пора

открывать эту дверь,
где за копотью прячется свет,
где танцует весна
на асфальте дешевый стриптиз...
Остается теперь
сделать шаг, только лестницы нет.
Я — на крыше... Куда
идти дальше: наверх или вниз?

Содержание

<i>Мой город</i>	5
<i>Опасный сон</i>	6
<i>Баллада о безвременье</i>	7
<i>* * * Снова мой почтовый ящик пуст...</i>	8
<i>Солнце</i>	9
<i>У костра</i>	11
<i>В темноте</i>	11
<i>* * * В мое окно стучится новый день...</i>	13
<i>* * * Она пришла из пелены дождей...</i>	14
<i>* * * Грязно-серый туман...</i>	15
<i>* * * Когда приходит время...</i>	15
<i>Весна</i>	16
<i>Баллада о будущем</i>	18
<i>Возвращайся...</i>	20
<i>* * * Я жадно пью холодный ветер перемен...</i>	21
<i>* * * Я смотрю...</i>	22
<i>* * * Крепкий чай на столе...</i>	25
<i>На пороге</i>	26
<i>Ветераны</i>	27
<i>* * * Опять брожу по улицам пустым...</i>	27
<i>* * * Когда траурный марш одиночества...</i>	28
<i>* * * Сердца ритм вдруг безжизненным стал...</i>	30
<i>* * * Когда вечер затих...</i>	31
<i>* * * Этим вечером ты не придешь...</i>	32
<i>Встреча на базаре</i>	32
<i>Осень</i>	33
<i>* * * За окном догорает уныло закат...</i>	34
<i>* * * Настает такой в природе час...</i>	35
<i>Дорога</i>	35
<i>Нелюди</i>	36
<i>Я вернусь...</i>	38
<i>* * * Нет силы для умения прощать...</i>	39
<i>Моим друзьям</i>	40
<i>Письмо</i>	41
<i>На рассвете</i>	43
<i>Печаль</i>	43

<i>Памяти Владимира Высоцкого</i>	<i>45</i>
<i>Покажите мне...</i>	<i>46</i>
<i>Оборванный полет</i>	<i>47</i>
<i>* * * Человек настроения...</i>	<i>49</i>
<i>* * * Когда зажглись огни в домах...</i>	<i>50</i>
<i>Вера в жизнь</i>	<i>51</i>
<i>* * * Нам встречи не предугадать...</i>	<i>53</i>
<i>* * * Беременные ненавистью сны...</i>	<i>54</i>
<i>Баллада о жизни</i>	<i>55</i>
<i>После боя...</i>	<i>57</i>
<i>* * * Когда затих шум жизни городской...</i>	<i>57</i>
<i>* * * Не жди меня: к тебе я не вернусь...</i>	<i>58</i>
<i>Шаг в небо</i>	<i>59</i>

Литературно-художественное издание

Бородушкин Андрей Викторович
Шаг в небо
Стихи.

Редактор *А. Масаренко*
Корректор *А. Голубева*
Компьютерный набор и верстка *Д. Андреев*
Отвественный за выпуск *Г. Винярски*